

## Д-р Вильгельм Карлблом (1820 – 1875)

Генеральный суперинтендент Московской консистории в 1864-1875 гг.

### *Изучение семейной истории*

Давно уже хотелось мне побывать на Введенском кладбище в Московской Немецкой слободе, о котором я прочла в газетах „Новая жизнь“ („Neues Leben“ от 18.07.1990) и „Дружба“ („Freundschaft“ от 29.11.1989). Естественно, что в общих чертах я была знакома с историей немецкой части населения города, а также с её изменчивой судьбой. Но тем не менее непосредственный толчок к посещению Немецкого кладбища я получила в сентябре 1989 года совершенно с другой стороны: я прочитала, что именно здесь более сотни лет назад нашёл место последнего упокоения генеральный суперинтендент Московской консистории Август Юргенсен (1830-1887), и я подумала, что возможно смогу найти здесь также и следы моих предков, которые, согласно хранящимся у меня дома документам, принимали активное участие в деятельности евангелическо-лютеранской общины Москвы, начиная с середины 19-го века. Новая рубрика в газете „Нойес Лебен“ („Новая жизнь“), освещающая исторические аспекты религиозных общин в России и публикующая знания об истории религии вообще, как раз и оказалась этим последним толчком к поиску могилы Вильгельма Карлблома – одного из предков нашей семьи и предшественника Августа Юргенсена в должности генерального суперинтендента Московской консистории.

В сентябрьские дни 1990 года, когда я находилась в Москве, мне предоставилась также возможность побывать на собрании Московской организации „Возрождение“, куда я была приглашена вместе с ещё одним представителем нашего Берлинского „Попечительского совета (Кураториума) по культурной поддержке немецких меньшинств за рубежом“. На этой встрече выступал пастор, ответственный за работу евангелических общин Москвы и Ленинграда. Полными горечи словами описывал он беспокойство церковного руководства по вопросу подготовки будущих евангелических пасторов и сожалел, что общины его церкви всё ещё до сих пор должны жестко бороться за использование зданий церкви по их прямому назначению, и что особенно критическим является состояние общины при Петри-кирхе в Ленинграде и всё ещё продолжающееся варварское использование здания самой Петри-кирхе. Что же стало из прежде важнейших евангелическо-лютеранских общин в обеих столицах страны, думала я, сидя среди многочисленных членов „Возрождения“. Напрашивался вопрос: а, собственно, известно ли ответственным лицам в Ленинграде и общественности вообще, какое положение занимали евангелическо-лютеранские общины не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в духовно-культурной истории всей царской империи вплоть до начала 20-го столетия? И какое участие в научной и художественной жизни страны, в экономике и торговле принимали глубоко религиозные люди из этих общин, в большинстве своём являвшиеся немцами? Мне тягостно было осознавать – и это после многократных посещений страны – что до наших дней дошло слишком мало информации о внутренней структуре, этических масштабах, религиозных привычках и жизненных идеалах этой немецкой диаспоры. Но при этом важно удержать и сохранить всё то, что ещё не совсем потеряно, что сегодня поможет нам всеобъемлюще понять и описать историю немецкого населения в России и позже в СССР. Это относится и к евангелическо-лютеранским общинам, действовавшим наряду с другими религиозными общинами в большой империи.

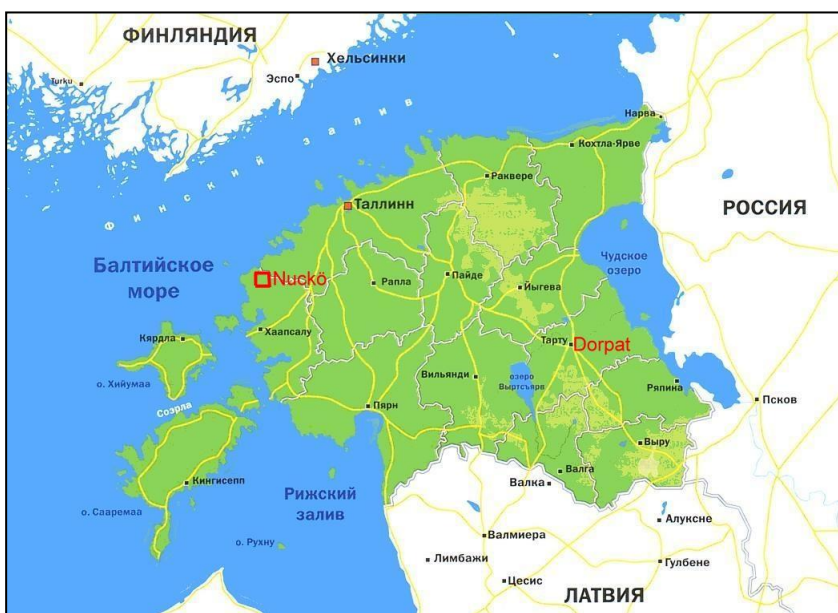
Вильгельм Карлблом, генеральный суперинтендент Московской консистории в период 1864-1875 гг., безусловно не был той личностью, которая привлекла бы к себе внимание историков чем-либо сенсационным. Его биография и образ жизни были скорее типичны для многих евангелических теологов России 19-го века. Евангелическо-лютеранские общины в России жили по строго обязательному для всех членов устою; организационная структура, её привычки и обычаи формировались на протяжении поколений, с тех пор как из Германии начали прибывать в Россию переселенцы. Верховное

(Главное) управление церковными делами находилось в руках Генеральной консистории, располагавшейся в Санкт-Петербурге и состоявшей из светских и духовных людей. Светский президент и духовный вице-президент назначались Его Императорским Величеством. В то время Россия была разделена на восемь консисториальных (административных) округов, которые также возглавлялись мирским президентом и церковным вице-президентом. Последний, как правило, являлся генеральным суперинтендентом. Восемь консисториальных округов значительно различались между собой по величине и значимости, но причины этого следовало искать в истории страны. Это были: Курляндия, Эстляндия, Лифляндия, Рига (город), Эзель (Oesel – ныне Сааремаа), Ревель (город) и оба больших района Санкт-Петербурга и Москвы.

Московский округ, составлявший примерно 312 000 кв. миль и около 41 млн. человек, включал в себя 52 епархии, в том числе и сектанство в немецких колониях, простираясь как до Сибири и части Кавказа<sup>1</sup>, так и до немецких колоний на Волге. Наиболее точный перечень можно узнать в объёмнейшем и содержательнейшем труде по истории и статистике евангелических общин России Эдуарда Генриха фон Буша, увидевшем свет в 1862 году в Санкт-Петербурге и Лейпциге. Генеральный суперинтендент в Москве должен был объезжать весь этот огромный округ, посещая большие общины, улаживая конфликты, проводя важные официальные мероприятия и следя за церковным порядком.

Для того, чтобы взвалить на себя такую должность, требовались безупречная дисциплина, безоговорочная готовность к действиям и огромная сила воли, особенно, если не забывать о конкретных условиях жизни в те времена – размахе страны и возможностях передвижения как летом, так и тем более зимой. Вильгельм Карлблом занимал эту должность на протяжении десяти лет.

Согласно семейной легенде, Карлблумы происходили из Швеции. Когда-то молодой крестьянский сын по имени „Карл“ из шведской деревни „Блом“ отправился пешком в город



Упсалу, чтобы изучать в университете теологию. По преданию, отец дал ему с собой в дорогу корову – в те времена в этом не было ничего особенного – для того, чтобы продажей этой коровы профинансировать учёбу. Но когда именно это произошло, установить не удалось, хотя точно доказано, что последующие поколения Карлбломов также изучали теологию и филологию в университетах Риги и Дерпта (Тарту), и несколько пасторов с этой фамилией служили в

Прибалтике и России. Первым предком, которого удалось установить на основании официальных документов, был Йонас Карлблом (Jonas Carlblom, 1725-1785), родившийся в Швеции, учившийся в 1746-1749 гг. в университете Або (Турку) и позже в Гельсингфорсе (принадлежавшем в то время к Швеции) и в 1752 году направившийся в Эстонию. Он обосновался в епархии Нуке (Nuckö – ныне Ноароотси – Noarootsi – на побережье между Хаапсалу и Таллином), где прослужил проповедником с 1755 по 1774 год, что подтверждается списком служителей этой общины. Здесь он основал семью, а его сын и

<sup>1</sup> Eduard Heinrich Busch, Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland, II. Bd. St. Petersburg/Leipzig 1867, S. 266ff.

последующие потомки продолжили семейную традицию, тем самым пасторы с фамилией Карлблом служили в епархии Нуке на протяжении свыше сотни лет – до 1861 года.

На маленькой акварели, выполненной свыше 150 лет назад и сохранившейся в семейном архиве, видно, что пасторат в Нуке был скромным простым одноэтажным зданием, мало чем отличавшимся от соседних построек; за домом возвышается несколько более высокая крыша церкви с колокольней – по нашим сегодняшним понятиям примитивное строение. Как одинока и отрешённая от внешнего мира должна была быть жизнь здесь, особенно зимой на протяжении бесконечных холодных месяцев с непроходимыми дорогами и невозможностью контактов со знакомыми и соседями-коллегами по службе. И всё же – насколько примитивной можно представить себе жизнь в этом сельском одиноком пасторате – настолько же высокой была духовная культура, господствовавшая в подобных кругах. В уединении сельской жизни много читали и музицировали. Таким образом формировались духовные качества и характеры с высокими моральными ценностями, с требовательностью в первую очередь к самим себе и стремлением к осмысленной, насыщенной жизни.



Преподаватель петербургских гимназий Эдуард Генрих Буш высказывает в своей выше упоминаемой книге предположение о том, что церковь в Нуке – церковь Св. Екатерины – была построена уже в 1220 году при шведах, когда шведский король Йоганн I распространял здесь христианскую веру, но, вероятно, и позже, к концу 14-го столетия, при 22-м магистре Тевтонского ордена Винрихе фон Книпроде (Winrich von Kniprode). Вплоть до 19-го века община Нуке состояла из верующих различных национальностей – Э. Буш приводит следующие данные на 1862 год: 22 немца, 867 эстонцев и 2407 шведов. Следовательно, здешний пастор должен был постоянно вести богослужения на трёх языках. Напротив, в епархии не было школы, а потому большинство детей получали уроки в родительском доме. Как правило, дети сельского населения в этой области могли лишь едва читать, а важные части катехизиса заучивали наизусть. „Письменность и математика оставались неисследованными тайнами“, – читаем мы у Э. Буша. Жалованье священника

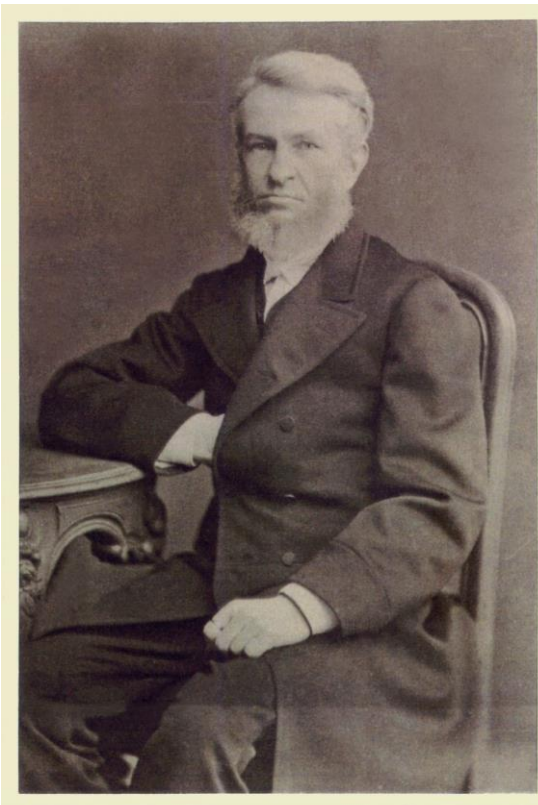


базировалось, прежде всего, на доходе с земельного участка пастората, к этому привоскоуплялись натуральные продукты с относившихся к общине богатых имений стоимостью в 600 руб. и, кроме того, пастор получал 4 руб. 70 коп. наличных денег и свободную бесплатную квартиру, а также дрова на отопление и кухню. Это примерно соответствовало жалованью и в других эстонских деревнях в те времена – воистину скудная жизнь.

Вильгельм Карлблом провёл своё детство в этом пасторате в Нуке. Он родился 10 декабря 1820 года неподалёку от Ревеля в Ст. Матфее (St. Mattiä – ныне Ярва-Мадис с самой маленькой церковью в Эстонии – церковью Св. Матфея); в связи с углублявшейся болезнью отца, пастора Петера Карлблома, родители жили попеременно то возле Ревеля, то в Нуке, то неподалёку от Гельсингфорса, пока не переехали наконец в Кронштадт, где отец и умер. Скромный достаток в семье пастора не позволил учиться за пределами дома – в Нуке же не было школы – и мальчик получал начальные знания от отца. Мать и сестра давали уроки музыки, тем самым внося лепту в доход семьи. Более поздние учебные годы Вильгельм провёл в стенах Петришуле в Санкт-Петербурге, где родственник смог обеспечить ему бесплатное содержание.

В 1802 году была возобновлена работа университета в Дерпте (Тарту), имеющего длинную и памятную историю. Основанный в 1632 году на территории Ливонии в разгар Тридцатилетней войны (1618–1648) шведским королём Густавом II Адольфом (1594–1632) как Academia Gustaviana (Академия Густавиана), университет уже в 1656 году был закрыт и снова открыт в 1690 году лишь при Карле XI (1655–1697) как Academia Carolina (Академия Каролина). Во время Северной войны (1700–1721) был перенесён из Дерпта в Пярну (Pärnu), но закрыт в 18-м веке, когда Балтийские провинции отошли к России. Пётр I намеревался продолжить деятельность Академии Густавианы в Дерпте, но не осуществил свой план. И только царь Павел I готовил в 1798 году Указ на возобновление деятельности этого университета, открытие которого произошло в 1802 году уже при царе Александре I и явилось бесценным для евангелическо-лютеранских общин в России: теперь и у менее зажиточных семей российских немцев появилась возможность посылать своих сыновей на учёбу в университет. Дело в том, что учёба за границей, особенно в университетах Германии, была связана с высокими материальными затратами, а в России в 19-м веке не было других университетов с преподаванием на немецком языке.

С начала учебного процесса в Дерпте число студентов Богословского факультета возрастало год от года: начиная с 46 зачисленных в 1802 году в университет студентов, лишь 11 стали изучать теологию, а в 1838 году, когда начал учиться Вильгельм Карлблом, их число достигло 62. Начиная с 1824 года, профессор Андреас Каспар Фридрих Буш вёл здесь „Историю церкви и богословскую литературу“, возглавляя кафедру до 1849 года. Он вошёл в историю Дерптского университета как провозвестник пиетизма, автор многочисленных поучительных статей и основатель Богословского журнала. Благодаря своим выпускникам, Богословский факультет Дерптского университета снабжал в 19-м веке евангелические общины дипломированными пасторами, вследствие чего отчётливо заметно распространялось образование в других слоях населения и возрастало число хорошо подготовленных преподавателей в школах.



**Вильгельм Густав Иоганн Карлблом**

Вильгельм Карлблом недолго колебался между филологией, юриспруденцией и теологией, избрав последний предмет в духе семейной традиции. Целеустремленная работа и сконцентрированность на учёбе вознаградились в 1842 году Золотой медалью. Годом позже он стал там же кандидатом теологии. Среди своих университетских преподавателей он особенно восторгался профессорами Филиппи и Андреасом К.Ф. Бушем, родным братом цитированного выше Эдуарда Генриха Буша.

В те времена не было ничего удивительного в том, что общие интересы студентов и профессоров выходили за рамки учёбы и приводили к более тесным семейным контактам. В. Карлблом с начала учёбы почувствовал притяжение к семье Буша; через несколько лет после завершения учёбы, 13 мая 1849 года, он сочетался браком с дочерью профессора Луизой.

Но это случится позже, а пока он должен был зарабатывать деньги, и поскольку свободных должностей для пастора не было, он отправился домашним учителем в различные имения, расположенные поблизости от Дерпта. По долгу службы он сразу же после завершения учёбы доложил в Генеральную консисторию, поскольку он получал специальную стипендию (Kronstipendium) как за свои выдающиеся заслуги в учёбе, так и ввиду недостаточных денежных средств в семье. Как правило, такие стипендиаты должны были потом отслужить два года в провинции или три года в Сибири на предоставленных им должностях. Когда в самом начале 1847 года в одной из немецких колоний освободилось место пастора, Вильгельм Карлблом 12 января был официально возведён



Луиза Карлблом в Дерпте

(ордигирован) в сан священника в лютеранском соборе святого Архангела Михаила в Санкт-Петербурге, получив направление в общину Арциз в районе Аккерман в Бессарабии и 30 марта вступил в новую должность. Генеральная консистория в Санкт-Петербурге доверила ему этот пост, предъявлявший высокие требования и переводивший его в абсолютно непривычную ситуацию, поскольку до сих пор он был знаком лишь с интеллектуальными кругами Дерпта и Санкт-Петербурга. Эта новая должность оказалась для него не из лёгких. „Со всей душой отдавался Карлблом официальной деятельности“, – отмечал летописец того времени. – „Он не только довольствовался донесением проповеди до прихожан с кафедры, он посещал членов своей общины в их домах и беседовал с ними о домашнем благочестии, о чтении Библии, об отношениях между супругами, о воспитании детей, неверии, суеверии и о многом другом. Если он не получал ожидаемого результата, если его лучшие намерения наталкивались на недоразумения и преграды, то он умел находить для этого правильное объяснение в уровне образования доверенных ему подопечных и в их честной нерешительности перед новшествами“.

Епархия Арциз в Бессарабии была основана немецкими переселенцами в 1820 году. В неё входили пять немецких колоний, население которых составляло от 450 до 1250 человек. Здесь жили главным образом квалифицированные рабочие из Северной Германии, из Вюртемберга и Баварии. Они прибыли в Россию по приглашению императора Александра I в 1814-1815 гг. В отдельных колониях имелась соответственно церковь, а также школа, в которой обучались до 250 мальчиков и девочек. Когда в середине 19-го века в Арциз прибыл Вильгельм Карлблом, ему предстояло опекать примерно 4822 члена общины. Колонисты за это время успели обосноваться и на первых порах преодолеть немало трудностей, но и церковная хроника в период деятельности Вильгельма регистрировала стихийные бедствия, жёстко отражавшиеся на каждом из жителей: набег саранчи (1847 г.), холера (в 1848, в 1853, в 1855 гг.), падёж скота (в 1849, в 1851, в 1854 гг.). Совершенно ясно, что при таких ударах

судьбы люди искали утешение и помощь у пастора. Таким образом, заботившийся о душах пастырь был непосредственно втянут в сельскую жизнь, а зачастую точно также затронут невзгодами природы, как и члены его общины. Пасторский надел состоял из 120 десятин земли, каждый год пастор получал 342 руб. 85 коп. наличными, а также бесплатную квартиру и дрова. Тем самым его постоянный доход был существенно больше, нежели у его предков в эстляндской Нуке. Карлблomu очень хотелось наладить личные сердечные отношения со своими прихожанами, и в этом его с 1849 года поддерживала и помогала во всём жена Луиза.

В 1852 году Карлблomu предложили перевестись на службу в Коддафер Дерптского уезда – недалеко от университетского города. Безусловно, он с удовольствием последовал на место нового назначения, хотя его первая община стала ему очень дорогá, но всё же слишком долго недоставало ему духовного общения с друзьями и коллегами. И вот ему была предложена свободная пасторская должность в уже известной эстонской общине.

Многое связывало его с родными остзейскими провинциями, но теперь он даже больше, нежели прежде, искал контакт со старыми знакомыми, такими как друзья по научным вопросам в близлежащем университете, поскольку научные статьи являлись и его интересами. Он писал о практических вопросах, встречавшихся в его повседневной жизни в общине, на которые он сам должен был находить ответы. На регулярно проводимых церковных собраниях-синодах он излагал свои соображения, например, „О понятии церкви, в особенности обхождении с ним на уроке“ (1854 г.), или о проблемах развода (1858 г.). Благодаря публикациям и их обсуждениям он принимал участие в дискуссиях, проводимых в среде теологов того времени, со своей стороны всегда опираясь на конкретное отношение к действительности.

В 1860 году Вильгельм Карлблом был назначен главным консисториальным советником – на эту должность избирались на три года. Но через два года в Москве освободилось место генерального суперинтендента, он был рекомендован кандидатом, а в следующем 1864 году заступил на этот новый для него высокий пост.

Нелегко пришлось 42-летнему дать своё согласие на назначение. По своему духовному существу и воспитанию он чувствовал себя связанным с дерптским и петербургским немецкими кругами. Уже при первом кратком посещении Москвы, будучи проездом в Бессарабию, он писал своей сестре Паулине: Москва – это „живописный город, но жить я бы здесь не хотел!“. Теперь перед ним стояло решение жить и трудиться здесь, в Москве, и опекать в то же время огромный Московский консисториальный округ, который, как было указано выше, простирался далеко на юг вплоть до Кавказа и ещё дальше на восток, вплоть до далёкой Сибири, и который до этого момента был ему действительно чужд. Поэтому в письме к своему начальству он просил: „Если я увижу, что дела в Москве не идут, я должен получить разрешение снова стать пастором“.

„16 февраля 1864 в кафедральном соборе святых Петра и Павла в Москве <на Старосадском пер.> происходило торжественное возведение в сан нового архипастыря (епархиального архиерея). Сбылись возлагаемые на него ожидания. Прекрасно подготовленный благодаря многолетнему и многостороннему опыту службы в двух консисториальных округах (в Лифляндском и в Санкт-Петербургском) и в высшей духовной инстанции (в качестве главного консисториального советника), Карлблом принял на себя третий обширный консисториальный округ – самый обширный в нашей лютеранской церкви в России – вступив в новую для него сферу деятельности, не всегда сопровождающуюся ясным небом и тёплой погодой, а напротив, большую часть времени обременённую ежедневными заботами и жарой“. Таково было официальное сообщение об этом событии.

Из книги Эдуарда Буша „Материалы по истории и статистике церковного и школьного образования евангелическо-лютеранских общин в России“ известно, что в середине 19-го века все евангелическо-лютеранские прихожане Москвы были объединены в двух епархиях: „Старый приход“ (Alte Gemeinde) при церкви Святого Михаила (Михаэлькирхе), существовавший с 1575 года, и „Новый приход“ (Neue Gemeinde) при соборе святых Петра и

Павла, основанный в 1626 году. Обе епархии насчитывали около 8 000 прихожан, в городе работало пять евангелических школ с 373 учениками (на 1860 г.), в которых преподавали 56 учителей и 8 учительниц. Наличное имущество составляло 116 960,55 руб. В своём труде Э. Буш наряду с господствовавшей русской православной и двумя упомянутыми евангелическими церквями регистрирует также и другие религиозные общины, действовавшие в то время в Москве: 13 385 верующих принадлежали к римско-католической церкви, 300 – к армянско-грегорианской, 600 – к исповедующим кальвинизм и, кроме того, имелись 600 евреев-талмудистов и 300 мусульман.

Собор святых Петра и Павла стоит и ныне в Москве, и когда в дни поздней осени 1990 года я шла по Немецкой слободе, то мне показалось, что он „действующий“. Выглядит он ухоженным. Но я не смогла найти лютеранскую церковь Святого Михаила (Михаэлькирхе или „Старая обедня“ – снесена в 1928 году) на бывшем Гороховом поле – на плане города она могла бы быть там, где сегодня расположен Музей Н.Е. Жуковского (ул. Радио, 17).

Вильгельм Карлблом, став генеральным суперинтендентом, тем не менее считал себя членом общины Михаэлькирхе, которая в документах называлась „Старая церковь“ или „Старейшая Лютеранская церковь“ в Немецкой слободе. Об изменчивой истории этой церкви тоже можно прочитать у Э. Буша в его вышеупомянутом труде.

Административный округ в подчинении Карлблома простирался, как уже говорилось, далеко на юг, вплоть до Кавказа. Во время регулярных официальных инспекционных поездок по принадлежавшим к консисториальному округу общинам его обычно сопровождала жена Луиза, равно как и при его поездке в Грузию. В 1866 году в расположенном недалеко от Баку городе Шемахе, который незадолго до этого, 2 декабря 1859 года, был разрушен землетрясением (после чего центр Шемахинской губернии был переведён в Баку, а сама губерния переименована в Бакинскую), была основана община лютеранских армян – „важное событие в евангелическо-лютеранской церкви России“, как сообщалось в предании. 22-го августа 1866 года в Шемаху прибыл Вильгельм Карлблом с женой, чтобы по поручению московской Генеральной консистории „привести в соответствующее исполнение образ действий, по которому следует принимать армян в лоно Лютеранской церкви“. В конце месяца он отбыл назад, сделав остановку в Тифлисе, где был „приглашён на аудиенцию к наместнику Его Императорского Величества на Кавказе, Великому князю Михаилу Николаевичу“, высказавшему ему благодарность за проведённую акцию. Безусловно, как предполагал Карлблом, губернатор Баку предварительно сообщил о событиях в Шемахе „самым благоприятным образом“.

К сожалению, до сих пор отсутствуют иные сообщения или воспоминания о других подобных инспекционных поездках, которые могли бы позволить нам взглянуть на конкретную ситуацию немецких поселений, посещавшихся Карлбломом. Тем не менее, среди своих коллег он смог насладиться глубоким уважением, которое выразилось в словах, посвящённых ему на 25-летию его должностного юбилея 12 января 1872 года. Как сообщалось, он получил „много доказательств признания, глубокого уважения, любви начальства, общин, различных союзов, пасторов и друзей“. „От Богословского факультета Дерптского университета ему был вручён диплом доктора богословия (теологии)“. Но очень скоро началась страшная болезнь (рак печени), которая через три года привела к смерти 22 сентября 1875 года. Недолго он смог насладиться расположением друзей и признанием общественности, но оценка его достижений была отмечена такими наградами как „Наперсный крест для духовенства в память войны 1853-1856 гг.“; „Золотой наперсный крест проповедника“ (1863 г.); „Орден Святой Анны“ 3-й степени (1866 г.); „Орден Святой Анны“ 2-й степени с императорской короной и мечами (1869 г.); „Орден Святого Владимира“ 3-й степени (1872 г.); „Орден Святого Станислава“ 1-й степени (1875 г.).

Вильгельм Карлблом был похоронен 26 сентября 1875 года на кладбище при церкви Святого Михаила в Москве при большом количестве собравшихся членов общины – поэтому я не смогла найти его могилу на немецком Введенском кладбище, как я обнаружила позже у себя дома в документах. Отпевание тоже происходило в церкви этой общины, членом

которой он состоял. „Многочисленные прихожане заполнили тёмные, освещённые свечами помещения почитаемой церкви. Среди многих, пришедших отдать последнюю честь усопшему, находился также и Его Превосходительство, Московский генерал-губернатор, князь Долгоруков“, – сообщалось в дошедшем до нас послании. Присутствовали также воспитанники евангелической школы для бедных и сирот вместе со своими учителями, представители евангелических обществ и комитетов Москвы, Общества вспомоществования, Школьного совета для бедняков, Российского библейского общества, окружного комитета Кассы вспомоществования для евангелическо-лютеранских общин Москвы. В последних словах над гробом Карлблома друзья и коллеги высоко оценили ясность его характера, его простой образ и верность по отношению к людям, доверенным ему. „Он был свободен от человекобоязни и самодовольства, от всего того, что при высоком положении так легко находит себе место в слабом человеческом сердце“. Это были слова пастора П. Эверта.

Я откладываю бумагу в сторону. Да, они чувствовали здесь себя дома, эти лютеране, несколько поколений назад прибывшие из Германии и других европейских стран, они обрели здесь новую родину и своё место в обществе, которое они с честью хотели занимать по своим силам, а иногда и свыше своих сил. Они предъявляли высокие моральные требования к себе и к своим ближним, старались трудиться в сфере своей деятельности, трудиться для других, передавая им этические представления и ценности, почерпнутые зачастую из веры. Эти моменты заставляют нас задуматься, когда от рассмотрения этих давно минувших судеб мы переносимся назад в наши дни. Предстоит ещё многое сохранить в нашей общей истории...

Берлин, 2015 г.

Д-р Эрика Фогт